

**ПРАВОВОЙ КОНСЕКВЕНЦИАЛИЗМ:
ИСТОРИЯ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ
(размышления по поводу монографии И.В. Колосова
«История правового консеквенциализма: результативность права»)**

© 2023 г. В. В. Лапаева^{1, *}, К. Е. Сигалов^{2, **}

¹Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

²Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя;

Российский университет дружбы народов, г. Москва;

Всероссийский институт повышения квалификации МВД России,
г. Домодедово, Московская область

*E-mail: lapaeva07@mail.ru

**E-mail: Sigalovconst@mail.ru

Поступила в редакцию 18.05.2023 г.

Аннотация. В статье анализируется содержание монографии И.В. Колосова, в которой показана история возникновения и развития правового консеквенциализма как комплекса правовых теорий, оценивающих правильность действий законодателя и правоприменителя в зависимости от результата. Подчеркивается вклад автора в исследование историко-теоретических представлений о консеквенциализме в праве, начиная от использования принципа пользы в древнеиндийских и древнекитайских памятниках правовой мысли, в античной философии и т.д., включая правовые учения раннего Нового времени, классический утилитаризм, околоконвенциальные идеи русской философии права конца XVIII – начала XX в., а также различные версии современного западного консеквенциализма. Обозначены направления дальнейшего изучения данной проблематики, связанные с осмыслением утилитаристской направленности большевистской идеологии и обусловленного ею понимания советского права как средства достижения целей, внешних по отношению к правовой системе; с обоснованием позиции по дискуссионным вопросам правовой теории, обозначаемой как «экономический анализ права»; с оценкой возможности и пределов использования идей консеквенциализма в российской судебной практике; с раскрытием значимого для права эвристического потенциала разрабатываемой в современной российской философии трактовки утилитаризма как идейного фактора российской модернизации.

Ключевые слова: право, консеквенциализм, утилитаризм, принцип полезности, философия права, результативность права, ретрибутивизм, эффективность права, общее благо, экономический анализ права.

Цитирование: Лапаева В.В., Сигалов К.Е. Правовой консеквенциализм: история и значение для современности (размышления по поводу монографии И.В. Колосова «История правового консеквенциализма: результативность права») // Государство и право. 2023. № 10. С. 35–43.

DOI: 10.31857/S102694520028120-3

**LEGAL CONSEQUENTIALISM:
HISTORY AND SIGNIFICANCE FOR THE PRESENT
(discussion on I.V. Kolosov's monograph
“History of legal consequentialism: the effectiveness of law”)**

© 2023 V. V. Lapaeva^{1, *}, K. E. Sigalov^{2, **}

¹*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

²*Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
Peoples' Friendship University, Moscow;*

*All-Russian Institute of Personnel Development
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Domodedovo, Moscow Region*

*E-mail: lapaeva07@mail.ru

**E-mail: Sigalovconst@mail.ru

Received 18.05.2023

Abstract. The article analyzes the content of the monograph by I.V. Kolosov, which shows the history of the emergence and development of legal consequentialism as a complex of legal theories that evaluate the correctness of the actions of the legislator and the law enforcer depending on the result. The author's contribution to the study of historical and theoretical ideas about consequentialism in law is emphasized, starting from the use of the principle of utility in ancient Indian and ancient Chinese monuments of legal thought, in ancient philosophy, etc., including the legal thought of the early modern period, classical utilitarianism, near-conventional ideas of Russian Philosophy of Law of the late 18th – early 20th century, as well as various versions of modern Western consequentialism. Directions for further study of this issue are outlined, related to the comprehension of the utilitarian orientation of the Bolshevik ideology and the understanding of Soviet law conditioned by it as a means of achieving goals external to the legal system; with the substantiation of the position on the debatable issues of legal theory, referred to as “economic analysis of law” (Law and Economics); with an assessment of the possibility and limits of using the ideas of consequentialism in Russian judicial practice; with the disclosure of the heuristic potential, significant for law, of the interpretation of utilitarianism developed in modern Russian philosophy as an ideological factor in Russian modernization.

Key words: law, consequentialism, utilitarianism, principle of utility, Philosophy of Law, effectiveness of law, retributivism, effectiveness of law, common good, economic analysis of law.

For citation: Lapaeva, V.V., Sigalov, K.E. (2023). Legal consequentialism: history and significance for the present (discussion on I.V. Kolosov's monograph “History of legal consequentialism: the effectiveness of law”) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 35–43.

Монография И.В. Колосова «История правового консеквенциализма: результативность права»¹ – первое в отечественной юридической литературе исследование по проблематике консеквенциализма, которая в течение уже нескольких десятилетий активно обсуждается на Западе. Термин «консеквенциализм» был введен в научный оборот сравнительно недавно – в 1958 г. в работе известного британского философа Г. Анскомб «Современная моральная философия». И хотя сама Г. Анскомб использовала этот термин прежде всего в контексте критики различных версий утилитаризма, он вскоре оказался широко востребованным именно потому, что позволял выйти за узкие границы утилитаризма и включить в общий фокус анализа все нормативные (моральные, правовые и даже религиозные) теории, оценивающие правильность действия в зависимости от их результата, т.е. от ценности их последствий. Более того, термином «консеквенциализм» многие авторы стали

обозначать не только теории, которые основываются на главенстве результата действий перед целями и средствами (консеквенциализм действий), но и теории, которые оценивали поступок в зависимости от последствий применения правил, очерчивающих границы действия субъекта (консеквенциализм правил), а также варианты соединения обоих подходов (двухуровневый консеквенциализм).

Консеквенциалистский подход к праву в его нынешних многочисленных версиях, объединенных лишь идеей о возможности этической оценки действия по его результату, позволяет под специфическим углом зрения рассмотреть всю историю философии права. Плодотворность и перспективы такого подхода хорошо продемонстрированы в рецензируемой работе И.В. Колосова. Автор не ограничивается анализом собственно консеквенциализма в его классическом (утилитаристском) и постклассических вариантах, а показывает предпосылки и ростки этого подхода, углубляясь к самым истокам философско-правовой мысли. В *первой главе* монографии, посвященной *предпосылкам правового консеквенциализма в добухтинских правовых учениях*

¹ Колосов И.В. История правового консеквенциализма: результативность права. М.: Юрлитинформ, 2023. – 224 с.

периода Древнего мира и раннего Нового времени, автор, опираясь на работы ряда зарубежных специалистов (К. Соринел, К. Матис, Д. Шеннон, Ю. Фэнг и др.), показывает, что в трудах мыслителей, творивших в эти исторические периоды, нашли определенное отражение консеквенциалистские по своей сути идеи, связанные с использованием в государственно-правовом управлении принципа пользы и с осмыслением применительно к этой сфере морального значения действий в свете их результатов.

Так, И. В. Колосов выявляет *зачатки консеквенциализма* в древнеиндийском памятнике правовой мысли Артхашастра, а также отмечает наличие здесь обоснования целесообразности применения принципа пользы в качестве критерия оценки юридически значимых действий (с. 24, 25). Среди мыслителей Древнего Китая он выделяет философа Мо-цзы, который не только заложил основы государственного консеквенциализма, но и «предвосхитил основной принцип утилитаризма — максимизацию полезности» (с. 27). Целый ряд идей, выражающих принцип пользы, как убедительно показано в работе, был сформулирован в политико-правовых учениях философов античной Греции. Отмечая наличие таких идей в учениях Аристотеля, Сократа и Платона, особое внимание автор уделяет эвдемонизму Демокрита и Эпикура (с. 30–34). Рассматривая дискуссию о соотношении христианской этики с утилитаризмом, И. В. Колосов обосновывает тезис о том, что христианская этика отнюдь не лишена прагматизма и здравого смысла, с позиций которых подлинная христианская любовь — «это активная, полезная любовь, а не просто пассивное чувство благосклонности» (с. 36).

При анализе *консеквенциалистских идей, присущих философско-правовым учениям раннего Нового времени*, ученый отмечает некоторую общность взглядов Б. Спинозы с утилитаристским принципом максимизации полезности (с. 37), обосновывает наличие в учении Г. Гоббса идей, которые в современной терминологии могут быть отнесены к конвенциализму правил (с. 38, 39), подчеркивает ряд общих моментов в учении Ш. Монтескьё о преступлении и наказании с утилитаристским подходом к анализу этой проблематики у И. Бентама (с. 41–43), доказывает существование ряда элементов консеквенциализма правил в учениях А. Смита, Д. Юма, Г. Спенсера, Ч. Беккариа, Дж. Локка, К. Гельвеция (с. 39–59).

Вторая глава монографии посвящена *классическому утилитаризму* И. Бентама, Дж. Ст. Милля и Г. Сиджвика, заложившему теоретико-методологические основы консеквенциализма. Учения этих мыслителей рассмотрены в аксиологическом и историческом аспектах, а также в плоскости соотношения правового утилитаризма с теориями естественного права и общественного договора. Особое внимание уделено анализу вклада классических утилитаристов в развитие юридической практики.

Освещая взгляды И. Бентама, основоположника утилитаризма как направления в английской, а затем и в мировой философско-правовой мысли, И. В. Колосов делает акцент на бентамовской дихотомии удовольствия и страдания как «основных поводов чей человеческого поведения», а также на его методологии «моральной арифметики» и на возможностях ее использования в рамках новой этики как «искусства управления действиями людей для “производства” максимально возможного количества счастья» (с. 66). При этом абстрактное понятие «счастье» И. Бентам наполняет вполне конкретным смыслом: счастье в его теории — это максимальная польза при минимуме страдания каждого отдельного человека и в конечном счете общества в целом

как совокупности отдельных индивидов. В данной (условно говоря, бентамовской) теоретической парадигме, по мнению И. В. Колосова, развивались в целом взгляды таких известных утилитаристов, как У. Пэйли, который попытался использовать утилитаристский подход в качестве «способа определения воли Бога» (с. 67), и Г. Гудвин, являвшийся приверженцем радикального утилитаризма с его версией «беспристрастной морали, в которой не было места обязательствам и привязанностям» (с. 68).

Аксиологические истоки бентамовского утилитаризма восходят к ценностям Просвещения, основанным на идеях «главенства человеческого разума, несогласия с произвольной диктатурой закона и веры в прогресс» (с. 67). Большое влияние на ценностную составляющую правовой позиции И. Бентама оказало учение Г. Гоббса, в русле которого государство рассматривалось как средство примирения на основе общественного договора эгоистических интересов людей с целью обеспечения естественных прав как условия реализации частных интересов и, соответственно, достижения счастья как можно большего числа людей. Однако И. Бентам не разделял гоббсовскую идею государства Левиафана, полагая такое государственное устройство неэффективным с точки зрения максимизации полезности государственного управления (с. 68, 69). Кроме того, моральная арифметика И. Бентама основывается на расчете и суммировании индивидуальных полезностей, а с позиций гоббсовского естественно-правового учения главным условием достижения максимального благополучия для общества является объединение людей в государство, когда «каждый передает “часть” своих прав и свобод государству в обмен на общественные блага, такие как инфраструктура, правопорядок, национальная оборона и другие» (с. 81). При этом И. Бентам признавал, что законодатель, желающий обеспечить счастье своих сограждан, должен стремиться к изобилию, равенству и безопасности, считая, что «все функции права могут быть сведены к этим целям» (с. 84).

Другой выдающийся утилитарист эпохи позднего Нового времени Дж. Ст. Милль в отличие от И. Бентама не стремился выстроить новую утилитаристскую аксиологию права, а ставил своей целью разработку «общего подхода к этике и праву, провозглашающего принцип полезности в качестве основного» (с. 69). При этом его понимание пользы в аксиологическом плане существенно отличалось от количественного гедонизма И. Бентама, поскольку он придавал большое значение качеству получаемых удовольствий (т.е. ставил интеллектуальные и духовные удовольствия выше физических), что, по его мнению, «должно найти отражение в таких регуляторах общественных отношений, как право и мораль» (с. 77). Согласно бентамовской правовой концепции утилитаризма, право должно поощрять не любые действия, максимизирующие полезность, а только действия нравственного характера. Отсюда и то большое значение, которое он придавал идее справедливости, в отличие от И. Бентама, подменявшего справедливость полезностью. Подводя итоги своего исследования утилитаризма Дж. Ст. Милля, И. В. Колосов отмечает, что английский философ «использовал принцип полезности, чтобы показать как абсолютность идеи справедливости, так и ее гибкость в охвате многочисленных и сложных моральных сущностей» (с. 110).

При анализе того влияния, которое классические утилитаристы оказали на правовую практику, автор рецензируемой монографии отмечает прежде всего их заметный вклад в гуманизацию уголовного наказания, отличавшегося в тот период чрезмерной жестокостью. В этом контексте

значительное внимание уделено работам английского философа, специалиста по моральной философии Г. Сиджвика, в которых последовательно проводится мысль о том, что с точки зрения принципа пользы и рационального благоразумия целью уголовного наказания должно быть не достижение справедливости путем причинения преступнику равноценных страданий, а необходимость предотвращения еще большего зла. Г. Сиджвиком была выработана основанная на утилитаристских принципах теория преступления и наказания, в основе которой лежат тезисы о том, что в большинстве случаев наиболее эффективный способ правовой защиты — это не карательные, а правосстановительные меры, и что более мягкое правовое вмешательство в общественные отношения, при условии его эффективности, является предпочтительным (с. 122, 123).

Для прояснения исключительно важного значения утилитаризма в деле гуманизации уголовного закона (в широком смысле этого понятия, охватывающего законодательство, судебные прецеденты и правовые обычаи) следует, на наш взгляд, обратиться к ряду суждений Ф. Ницше из его работы «Генеалогия морали». Вскрывая самые глубинные истоки чувства справедливости в психологии древнейшего человечества, немецкий философ показывает, что это чувство возникло из договорного отношения между займодавецем и должником, породившего в сознании древнего человека идею эквивалентности между ущербом, понесенным займодавецем, и тем физическим страданием, которое должен в отместку претерпеть несостоятельный должник. В качестве компенсации за ущерб займодавцу предоставлялось «удовольствие от права безнаказанно проявлять свою власть над бессильным», обретая таким образом на время статус и право сильных мира сего. В аналогичном по своей сути отношении, писал Ф. Ницше, состоит и общество по отношению к своим членам, которые на договорных началах пользуются общими благами. Преступник — это должник, который «не только не возмещает предоставленных ему благ и кредитов, но и покушается даже на своего займодавца», поэтому гнев общины как потерпевшего займодавца возвращает этого несостоятельного должника «в дикое и незаконное состояние». Трансформация этого неправового отношения к преступнику как к «ненавистному, обезоруженному, поверженному врагу»² в сторону утилитаристской идеи максимально возможной пользы означала переход от звериной жестокости бессознательных начал психики к сознательному рациональному способу решения проблемы преступления и наказания.

Особый интерес представляет *третья глава* монографии, посвященная анализу *использования принципа полезности и «околоконсеквенциальных» идей в русской философии права в период от конца XVIII — начала XIX в.*, поскольку эта проблематика ранее почти не освещалась в юридической литературе. При анализе данной темы исходным тезисом для автора стала высказанная в литературе мысль о том, что «в русском культурном архетипе утилитарные смыслы не являются определяющими»³ (с. 126). Соглашаясь с этим тезисом, следует тем не менее отметить, что уже «в допетровские времена утилитаризм был реальным фактором социокультурной

² Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. / пер. с нем. К.А. Свасьян. М., 2012. Т. 5. С. 287, 288. Именно «в долговом праве, — писал Ф. Ницше, — таится рассадник мира моральных понятий: “вина”, “совесть”, “долг”, “священность долга” — корни его, как и корни всего великого на земле, долго и обильно орошались кровью» (см.: там же. С. 281).

³ Яркова Е.Н. Национализм и утилитаризм в России // Дискурс-Пи: науч.-практ. альманах. 2003. № 1 (3). С. 39.

жизни России, что, собственно, и дало жизнь реформам»⁴, а также оказало мощное влияние на мировоззрение русской интеллигенции. Однако, как отмечает А.С. Ахиезер, этот «интеллигентский» утилитаризм был подчинен «целям общей народной пользы, освобождения народа, удовлетворения его потребностей»⁵, что существенно отличало его от утилитаризма, ориентированного на экономическую пользу. Как верно подчеркивает И.В. Колосов, в рассуждениях целого ряда российских просветителей конца XVIII — первой половины XIX в. (И.П. Пнина, А.П. Куницына, В.С. Филимонова, В.В. Попугаева и др.) идея пользы рассматривалась в контексте соотношения личного и общего блага в духе естественно-правового подхода к трактовке общего блага как условия блага каждого.

Среди мыслителей второй половины XIX в. наибольшее внимание уделено в монографии Н.Г. Чернышевскому, философские воззрения которого автор относит к одному из вариантов консеквенциализма и даже отчасти утилитаризма. «Н.Г. Чернышевский, — пишет он, — приходит к выводу о том, что польза является добродетелью, а различия между удовольствием, пользой и добром лишь только количественные: польза — превосходная степень удовольствия, добро — превосходная степень пользы» (с. 147). Возникновение права и государства, согласно Н.Г. Чернышевскому, обусловлено стремлением людей к достижению максимальной пользы при ограниченности ресурсов; соответственно, деятельность государства и принимаемые им законы должны обеспечивать максимизацию полезности. При этом, признавая в качестве задачи государства обеспечение «пользы индивидуального лица», Н.Г. Чернышевский исходил из того, что «добром признается то, что полезно для всего общества или для большинства его членов»⁶ (с. 147). Однако эта связь его идей с утилитаризмом скорее носит поверхностный характер и не опровергает тезис о том, что утилитаризм плохо вписывается в русский культурный архетип. Как верно замечает Е.Н. Яркова, в позиции Н.Г. Чернышевского «утверждается едва ли осуществимый в социальной реальности принцип тождества альтруизма и эгоизма»: высшее проявление естественного стремления человека к счастью у него — «борьба против всего, что “неблагоприятно человеческому счастью”, и, таким образом, отказ от собственного счастья во имя всеобщего счастья»⁷. В этом смысле разумный эгоизм Н.Г. Чернышевского, по сути, — специфическая форма альтруизма.

Заключительная глава монографии, посвященная *современному западному консеквенциализму*, охватывает такие блоки проблем, как неутилитарные постбентамовские

⁴ Ахиезер А.С. Россия как большое общество // Вопросы философии. 1993. № 1.

⁵ Там же.

⁶ Чернышевский Н.Г. Экономическая деятельность и законодательство // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М., 1950. Т. 5. С. 597. Показательны в этом плане его слова о том, что «добрым человек бывает тогда, когда для получения приятного себе он должен делать приятное другим; злым он бывает тогда, когда принужден извлекать приятное себе из нанесения неприятности другим» (см.: Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // Там же. Т. 7. С. 264).

⁷ Яркова Е.Н. Утилитаризм в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. XXII. № 4. С. 24. У И.В. Колосова аналогичная мысль прослеживается лишь при анализе неравенства прав и обязанностей по Н.Г. Чернышевскому — «общечеловеческий интерес выше отдельных выгод ... [поскольку. — В.Л., К.С.] целое больше своей части, большее количество больше меньшего количества» (см.: Колосов И.В. Утилитаристский взгляд Н.Г. Чернышевского на государство и право // История государства и права. 2018. № 10. С. 12).

правовые идеи, предшествующие современному консеквенциализму; современный утилитаризм; неутилитарный консеквенциализм; ретрибутивизм и консеквенциональный взгляд на уголовное наказание.

При анализе *неутилитарных постбентамовских правовых идей* И. В. Колосов останавливается на дискуссии, посвященной оценке с позиций консеквенциализма правового учения И. Канта, в ходе которой ряд авторов (Д. Каммиски, Р. М. Хайер и др.) указывают на некоторую формальную схожесть кантовского этического рационализма с утилитаризмом в их стремлении к общей пользе при всем различии самих мотивов действия. Завершая свой анализ этой дискуссии, И. В. Колосов приходит к верному, на наш взгляд, выводу о том, что в деонтологической моральной теории И. Канта понимание последствий принципиально отличается от консеквенциалистской трактовки этой категории (с. 159). К числу неутилитаристских по своим взглядам предшественников современного консеквенциализма автор относит немецкого юриста, философа и социолога Р. Иеринга, в чей телеологической трактовке права как охраняемого законом интереса основой целеполагания выступает социальная полезность (с. 154). Особое внимание уделено в рассматриваемом контексте маржинализму как учению, оперирующему предельными величинами функции полезности. Возникнув как экономическая теория, маржинализм (от лат. *margo* — край) оказался востребованным и в праве. Так, маржинализм хорошо сочетался с бихевиористскими основаниями теории классика американского правового реализма О. Холмса, согласно которым «люди реагируют на стимулы, сравнивая предельные издержки с предельными выгодами» (с. 166).

В рамках *современного западного утилитаризма*, как показано в монографии И. В. Колосова, выделяют утилитаризм действий и утилитаризм правил, которые расходятся в своей фундаментальной предпосылке: утилитаризм действий исходит из необходимости при принятии любого юридически значимого решения оценивать его последствия с точки зрения полезности результата, а утилитаризм правил предписывает оценивать действия на предмет того, насколько они соответствуют правилу (с. 168–170). Наряду с этим автор предлагает и несколько иную дихотомию, охватывающую прямой утилитаризм и косвенный утилитаризм. Приверженцы первого подхода исходят из того, что «нужно исполнять обязательство только в том случае, если его исполнение будет способствовать большему общему благополучию» (с. 175), с чем не согласны сторонники второго подхода, считающие, что отказ от исполнения обязательств нарушает базовые моральные интуиции, снижая таким образом общий уровень полезности. Правда, остается неясным, в чем состоят отличия между двумя вариантами рассматриваемых им дихотомических классификаций, которые представляются почти идентичными.

Развитие с начала 1980-х годов *неутилитарного консеквенциализма* в западных философских, в том числе и философско-правовых, учениях было связано с желанием ряда специалистов ответить на справедливую во многом критику утилитаризма, сохранив конструктивный потенциал этого подхода. Суть данного направления, как отмечается в монографии, заключается в стремлении, сосредоточив моральную оценку действия на последствиях, учитывать при оценке таких последствий также и ценности, отличные от полезности (с. 179). Правда, сам автор в своем анализе не утилитарного консеквенциализма выходит за рамки своего определения, когда, в частности, находит элементы такого подхода в теории Дж. Ролза, согласно которой для

достижения справедливости недостаточно лишь обеспечения равенства прав и свобод: необходима такая организация отношений в социально-экономической сфере, при которой неравенство обеспечивало бы «наибольшую выгоду наименее преуспевающим» (с. 181). С такой интерпретацией теории Дж. Ролза следует, на наш взгляд, согласиться. В данной связи можно сослаться также и на интересное обоснование «тенденции кантианства сливаться с утилитаризмом», которое дал в одной из своих работ Р. Познер, проиллюстрировав такую возможность как раз на моральной философии Дж. Ролза⁸. Гораздо менее обоснованными выглядят попытки найти черты неутилитарного консеквенциализма в работах тех ученых (например, Р. Нозика или Ф. Петтита), которых И. В. Колосов относит к неконсеквенциалистам (с. 186–190).

При всем обилии привлеченных к анализу зарубежных источников по теме исследования автор не уделил специального внимания работам такого известного правоведа и практикующего судьи, как Р. Познер. Правда, во введении к монографии отмечается, что Р. Познер был одним из тех, кто положил начало использованию идей консеквенциализма в юридической деятельности (с. 8), а в обзоре литературы он указан в числе авторов, внесших заметный вклад в развитие консеквенциалистских представлений о правовой политике, правотворчестве, отправлении правосудия и т.д. (с. 19), однако его правовая теория максимизации благосостояния заслуживает явно большего внимания. На наш взгляд, в монографии следовало бы проанализировать критику в адрес познеровской теории экономического анализа права со стороны целого ряда зарубежных специалистов, считающих ее разновидностью утилитаризма, и ответ Р. Познера на подобную критику в работе «Утилитаризм, экономика и теория права», где он утверждает, что отождествление утилитаризма и экономики является неверным и что предлагаемый им экономический критерий максимизации благосостояния имеет иную (не утилитаристскую) природу, которая позволяет ему обеспечивать «более устойчивое основание для нормативной теории права, чем это делает утилитаризм»⁹. Остается лишь сожалеть, что эта дискуссия не привлекла внимания автора рецензируемой монографии, тем более что, как будет показано далее, она получила интересное продолжение в российской юридической науке.

Последний параграф заключительной главы монографии посвящен анализу *различий консеквенциализма и ретрибутивизма во взглядах на уголовное наказание*. Лежащая в основе ретрибутивизма идея равного воздаяния за преступление, предполагающая, что «наказание должно налагаться на виновных и только на виновных с учетом степени их вины», противостоит интенции консеквенциализма, направленной на то, чтобы при распределении наказаний «максимизировать некоторые желаемые последствия, такие как социальное благополучие» (с. 192). В современной философии уголовного права, как показано в работе, главным предметом дискуссий между сторонниками этих двух подходов является проблема риска неправомерного осуждения и связанного с ней порога доказывания вины. Если ретрибутивизм требует высокого порога доказывания, стремясь максимально исключить наказание невиновного, то консеквенциализм

⁸ Познер Р. Утилитаризм, экономика и теория права // Правоведение. 2017. № 3. С. 64. «Принцип социальной справедливости Ролза, — не без иронии отмечает автор, — напоминает принцип увеличения равенства доходов у Бентама с условием принуждения к сохранению у человека стимула к производительной деятельности» (см.: там же).

⁹ Там же. С. 48, 49.

готов снизить планку, обеспечивая таким образом более высокий уровень профилактики преступлений и борьбы с преступностью. Резюмируя свой анализ, автор констатирует, что «спор между ретрибутивизмом и консеквенциализмом в контексте решения проблемы риска наказания невиновного имеет большее практическое значение, чем это обычно признается» (с. 202).

В *Заключении* к монографии И. В. Колосов, подводя итоги своего исследования, формулирует вывод о том, что консеквенциализм при всех теоретических изъянах, связанных с наличием в многочисленных консеквенциалистских концептах противоречий «принципам равенства и справедливости, моральным принципам и иным основополагающим устоям», именно в силу большого разнообразия своих позиций, зачастую отступающих от жесткой теоретической линии, может использоваться в правовой практике, хотя и требует осторожности в применении (с. 206). Высоко оценивая результаты проделанной ученым большой и важной работы, восполнившей существенный пробел в теоретическом осмыслении проблематики правового консеквенциализма, необходимо тем не менее отметить, что ряд важных проблем не был обозначен им, хотя возможен в виде перспективных направлений для будущих исследований рассматриваемой проблематики.

Так, при освещении современного западного консеквенциализма в его утилитаристской версии следовало бы, на наш взгляд, учесть тот факт, что «в XXI в. утилитаризм обретает новую жизнь в трансгуманизме»¹⁰. Речь идет о стремлении целого ряда представителей уже весьма мощного международного трансгуманистического движения к устранению страданий и достижению счастья людей за счет применения биотехнологических и нейробиологических технологий, использования медикаментозных психотропных препаратов, способствующих повышению степени удовольствия от жизни без негативных медицинских последствий, и т. п. К этому же идейному лагерю частично могут быть отнесены и приверженцы морального биоулучшения человека, направленного на повышение его просоциальности, снижение агрессии и т. д.¹¹ Данное направление мысли, которое иногда называют гедонистическим трансгуманизмом, обладает большой притягательной силой и вместе с тем несет в себе серьезные риски, нуждающиеся в осмыслении с позиций правового подхода.

Применительно к анализу И. В. Колосовым российского правового консеквенциализма обращает на себя внимание, что автор ограничился лишь русской философией права периода конца XVIII — начала XX в. Таким образом, из поля его зрения выпал обширный пласт консеквенциалистских, а точнее — утилитаристских, идей и подходов, получивших отражение в работах классиков ленинизма, а также в советской и постсоветской теории и философии права. Если попытаться кратко обозначить наиболее значимые, по нашему мнению, направления дальнейших исследований правового консеквенциализма в российском правоведении, то можно сказать следующее.

Прежде всего следует признать, что большевистская теория (а точнее — идеология) морального действия в дихотомии «деонтологизм — утилитаризм» практически

безоговорочно склоняется к утилитаризму, руководствуясь принципом «цель оправдывает средство». Как отмечал Н. А. Бердяев, у В. И. Ленина, подчинявшего нравственность интересам классовой борьбы пролетариата, зло диалектически переходит в добро (и наоборот), поскольку он «объявляет нравственным все, что способствует пролетарской революции, другого определения добра он не знает. Отсюда вытекает, что цель оправдывает средства, всякие средства. Нравственный момент в человеческой жизни теряет всякое самостоятельное значение. Цель, для которой оправдываются всякие средства, есть не человек, не новый человек, не полнота человечности, а лишь новая организация общества»¹², и человек здесь лишь есть средство для создания такого общества. Это даже не бентамовский утилитаризм, для которого общее благо — результат суммирования благ индивидов, а гораздо более жестко-утилитаристская идеологическая конструкция.

Именно потому, что в рамках этой идеологии человек выступает как средство для достижения целей общества, социалистическое право, отождествляемое с законодательством, трактовалось в советской теории права не как право человека, определяющее меру его свободы, а как средство достижения внешних по отношению к праву целей. Эта идея является лейтмотивом всей советской теории права: от формулы А. Я. Вышинского, согласно которой право — это совокупность правил, «осуществляемых в принудительном порядке при помощи государственного аппарата в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу»¹³, до теории эффективности права периода позднего социализма, определяющих такую эффективность, как соотношение между результатом действия права (отождествляемого с законом) и социальными целями, которые, как писали, например, авторы коллективной монографии «Эффективность правовых норм», не являются правовыми¹⁴. И хотя теории утилитаризма в советское время не одобрялись официальной доктриной в силу их приверженности идеям эгоизма и личной пользы, однако, как верно, на наш взгляд, заметил Р. Познер, декларируемая многими представителями левого лагеря враждебность по отношению к утилитаризму «несколько озадачивает в том смысле, что, будучи правильно понятой, утилитаризм предлагает мощную теоретическую поддержку социалистического государства»¹⁵.

В постсоциалистической теории права продвижение идей утилитаризма осуществляется с прямо противоположного идеологического фланга, но в результате ведет все к тому же подчинению права внешним по отношению к нему целям. Речь идет об уже упомянутой ранее правовой теории, получившей название «экономический анализ права», которая сейчас активно обсуждается в российской юридической науке. Показательна, в частности, дискуссия, развернувшаяся недавно на страницах «Журнала российского права». Так, судья

¹² Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

¹³ Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права // Основные задачи науки советского социалистического права. М., 1938. С. 6.

¹⁴ См.: Эффективность правовых норм / [Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С., Глазырин В. В.]. М., 1980. С. 37. Было бы интересно сравнить эту версию советской теории эффективности действия права с идеями упомянутой в монографии И. В. Колосова работы Г. Хардина «Трагедия общин», в которой показана неэффективность производительной деятельности, основанной на неполном или совместном владении ресурсами (с. 17).

¹⁵ Познер Р. Указ. соч. С. 61, сн. 45.

¹⁰ Яркова Е. Н. Утилитаризм в России. С. 15.

¹¹ См. подр.: Беляетдинов Р. Р. Нейробиология и благо: возможно ли сделать человека моральным? // Социология власти. 2020. Т. 32. № 2. С. 87–103; Buchanan A., Powell R. The Evolution of Moral Progress: A Bio-cultural Theory. Oxford, 2018; и др.

Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиев в статье, посвященной анализу концепции устойчивого экономического роста, рассматриваемой им с точки зрения юридической капитализации¹⁶, приходит к выводу, что данную концепцию можно развивать, опираясь на идеи и познавательные структуры экономической теории права (нередко обозначаемой как «право и экономика»), которая разрабатывается рядом западных, и прежде всего американских, авторов¹⁷. Теоретическую основу такого подхода составляет представление автора о том, что право, экономика и этика — это особые нормативные системы, связи между которыми носят вертикальный характер, причем «в этой конкретной схеме взаимодействия право стоит на первом месте»¹⁸. Предназначение права видится им в том, чтобы находить баланс между экономической эффективностью и этическими ценностями справедливости, добра, долга и т.д. Соответственно, экономическая эффективность приобретает статус «нормативного критерия»¹⁹ оценки юридически значимого действия, который может быть сбалансирован с таким критерием, как ценности этики.

Данная позиция вызывает ряд возражений. Прежде всего, экономика (экономические отношения) — это в отличие от права и морали не регулятор, а объект регулирования, который может быть упорядочен правом как системой норм, гарантирующих справедливость путем обеспечения равенства субъектов в их свободе²⁰, моралью как системой норм, основанных на идеях добра, милосердия, альтруизма и т.п., а также иными регуляторами, например обычаями, деловыми обычаями и т.д. В случае упорядочения правом речь может идти об эффективности его действия, подчиняющей это действие сущностному принципу самого права (принципу справедливости как формального равенства субъектов в их свободе) в рамках объективно заданных ресурсных ограничений, и лишь затем, т.е. в пределах действия этого принципа, могут приниматься в расчет также и соображения экономической эффективности, внешние по отношению к праву. Показательно, что в другой статье этого же номера журнала судья Верховного Суда РФ В.В. Момотов, рассуждая об экономической эффективности права как цели правового регулирования, очень верно, на наш взгляд, подчеркивает, что «право эффективно только тогда, когда оно справедливо»²¹.

Дискуссия вокруг теории экономического анализа права на страницах этого же номера журнала продолжена в статье С.А. Сеницына, где весьма критически говорится о распространении в современной западной юриспруденции инспирированных интересами бизнеса утилитаристских концептов экономического анализа права, которые дают

¹⁶ Под юридической капитализацией автор имеет в виду «реальную защищенность судами имущественных прав предпринимателей» (см.: *Гаджиев Г.А.* Новые конституционные ценности: концепции устойчивого экономического роста с точки зрения юридической капитализации // Журнал рос. права. 2022. Т. 6. № 1. С. 19).

¹⁷ См.: там же. С. 27.

¹⁸ Там же. С. 22. «Правовая система, — пишет далее автор, — включает в себя экономику и этику в той мере, в какой они имеют всеобщую форму» (см.: там же). Таким образом, получается, что есть три различные нормативные системы, одна из которых (право) каким-то непонятным образом может частично включать в себя две остальные (экономику и этику).

¹⁹ Там же. С. 26.

²⁰ См.: *Нерсесянц В.С.* Философия права: учеб. для вузов. М., 2006. С. 30–47.

²¹ *Момотов В.В.* Экономическая эффективность права как цель правового регулирования // Журнал рос. права. 2022. Т. 6. № 1. С. 32.

«ограниченную картину понимания социально-экономической реальности и функций права»²². Рассматривая данное обстоятельство как одно из проявлений кризиса европейского правосознания, автор обращает внимание, с одной стороны, на идеологическую ангажированность такого подхода, трактуя экономический анализ права как «утилитарную экономизированную идеологию лоббизма крупных игроков рынка»²³, а с другой — на его методологическую некорректность. По поводу последнего обстоятельства он пишет: «С методологической точки зрения... речь идет о разнопорядковых явлениях: о мире экономики как объекте регулирования и праве как о форме и особом способе организации... общественных отношений... По объективной причине ни первое, ни второе не может выступать средством взаимного измерения и оценки. Логичнее было бы ограничиться оценкой экономических последствий конкретных правовых решений, используя только арсенал экономики и не навязывая праву искаженного понимания его же системы и категорий»²⁴.

Помимо этого было бы целесообразно проанализировать различные подходы российской теории правосудия к оценочной составляющей судебной практики в контексте дискуссий о возможностях и пределах использования консеквенциализма в процессе судебного правоприменения, которые имеют место в зарубежной юридической литературе (с учетом специфики подходов, характерных для англосаксонской и романо-германской правовых семей). Специальный интерес представляет, в частности, вопрос о том, можно ли согласовать позицию по данной проблеме такого авторитетного специалиста, как Р. Дворкин, отстаивающего идею о том, что суды должны действовать строго в рамках правовых принципов, с практическими задачами по обеспечению легитимности и реализуемости судебных решений, нередко требующими привлечения метаюридических аргументов консеквенциалистского характера.

Особняком в ряду рассмотренных утилитаристских подходов стоят работы известного российского философа и культуролога А.С. Ахиезера²⁵, который, не будучи утилитаристом, признавал тем не менее исключительно важную практическую роль этого концепта в истории России и его не менее важное значение как идейного фактора социально-экономической и политико-правовой модернизации страны. Главная цивилизационная проблема России, по его мнению, состоит в хронической невозможности преодолеть внутренний социокультурный раскол, который не позволяет стране вырваться из череды инверсионных циклов, когда «стихия соборного мятежа сменяется подавляющим авторитаризмом»²⁶. Модернизационные усилия раз за разом осуществляются по формуле «реформы-контрреформы»,

²² *Сеницын С.А.* Экономический анализ права: возможности и ограничения, риски абсолютизации подхода // Там же. С. 49.

²³ Там же. С. 52.

²⁴ Там же. С. 51.

²⁵ На необходимость включения позиции А.С. Ахиезера в сферу исследований российского утилитаризма обращает внимание Е.Н. Яркова, отмечающая значение предлагаемого им разграничения потребительского коллективистского утилитаризма, для которого характерно стремление к «получению благ путем их уравнительного перераспределения, кражи, захвата, нищенства, социального иждивенчества», и производительного индивидуалистского утилитаризма, который «разрушает коллективистские формы утилитаризма в России, инициирует процессы модернизации» (см.: *Яркова Е.Н.* Утилитаризм в России. С. 27, 28).

²⁶ *Ахиезер А.С.* Социально-культурные проблемы развития России: философский аспект. М., 1992. С. 24.

что ведет к резким «поворотам в системе ценностей, периодическим попыткам повернуться спиной к своему вчерашнему опыту, к своим царям и вождям, с тем чтобы то ли прорваться к будущему, то ли вернуться к позавчерашнему дню...»²⁷. Выход он видит в формировании срединной культуры на базе идеологии утилитаризма, позволяющей благодаря своей догматической непредвзятости создавать гибридные идеалы, которые способствовали бы преодолению глубинного социокультурного раскола и переходу таким образом к модернизационному варианту развития. В теории социокультурной динамики общества и государства А.С. Ахиезера впервые в истории отечественной социально-философской мысли развитие утилитаризма «позиционируется как позитивный процесс, как условие модернизации России»²⁸. Эта теория, талантливо и убедительно обоснованная ее автором, открывает новые перспективы для анализа проблематики утилитаризма в контексте перспектив правового развития России.

* * *

В завершение следует отметить, что указанные нами возможные направления дальнейших исследований исключительно актуальной, сложной и многоаспектной проблематики правового консеквенциализма никак не снижают значения уже проделанной И.В. Колосовым работы, а продемонстрированный им научный потенциал позволяет надеяться на то, что эти и иные проблемы получат свое развитие в последующих трудах ученого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер А.С. Россия как большое общество // Вопросы философии. 1993. № 1.
2. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): в 2 т. Т. 1. От прошлого к будущему. 2-е изд. Новосибирск, 1997. С. 42.
3. Ахиезер А.С. Социально-культурные проблемы развития России: философский аспект. М., 1992. С. 24.
4. Белялетдинов Р.Р. Нейробиология и благо: возможно ли сделать человека моральным? // Социология власти. 2020. Т. 32. № 2. С. 87–103.
5. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
6. Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права // Основные задачи науки советского социалистического права. М., 1938. С. 6.
7. Гаджиев Г.А. Новые конституционные ценности: концепции устойчивого экономического роста с точки зрения юридической капитализации // Журнал рос. права. 2022. Т. 6. № 1. С. 19, 22, 26, 27.
8. Колосов И.В. История правового консеквенциализма: результативность права. М., 2023. С. 8, 17, 19, 24, 25, 27, 30–34, 36–59, 66–69, 77, 81, 84, 110, 122, 123, 126, 147, 154, 159, 166, 168–170, 175, 179, 181, 186–190, 192, 202, 206.
9. Колосов И.В. Утилитаристский взгляд Н.Г. Чернышевского на государство и право // История государства и права. 2018. № 10. С. 12.

²⁷ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): в 2 т. Т. 1. От прошлого к будущему. 2-е изд. Новосибирск, 1997. С. 42.

²⁸ Яркова Е.Н. Утилитаризм в России. С. 28.

10. Момотов В.В. Экономическая эффективность права как цель правового регулирования // Журнал рос. права. 2022. Т. 6. № 1. С. 32.
11. Нерсесянц В.С. Философия права: учеб. для вузов. М., 2006. С. 30–47.
12. Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. / пер. с нем. К.А. Свасьян. М., 2012. Т. 5. С. 281, 287, 288.
13. Познер П. Утилитаризм, экономика и теория права // Правоведение. 2017. № 3. С. 48, 49, 61, 64.
14. Сеницин С.А. Экономический анализ права: возможности и ограничения, риски абсолютизации подхода // Журнал рос. права. 2022. Т. 6. № 1. С. 49, 51, 52.
15. Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М., 1950. Т. 7. С. 264.
16. Чернышевский Н.Г. Экономическая деятельность и законодательство // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М., 1950. Т. 5. С. 597.
17. Эффективность правовых норм / [Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самошенко И.С., Глазырин В.В.]. М., 1980. С. 37.
18. Яркова Е.Н. Национализм и утилитаризм в России // Дискурс-Пи: науч.-практ. альманах. 2003. № 1 (3). С. 39.
19. Яркова Е.Н. Утилитаризм в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. XXII. № 4. С. 15, 24, 27, 28.
20. Buchanan A., Powell R. The Evolution of Moral Progress: A Biocultural Theory. Oxford, 2018.

REFERENCES

1. Akhiezer A.S. Russia as a big society // Questions of philosophy. 1993. No. 1 (in Russ.).
2. Akhiezer A.S. Russia: criticism of historical experience (Socio-cultural dynamics of Russia): in 2 vols. Vol. 1. From the past to the future. 2nd ed. Novosibirsk, 1997. P. 42 (in Russ.).
3. Akhiezer A.S. Socio-cultural problems of Russia's development: a philosophical aspect. M., 1992. P. 24 (in Russ.).
4. Belyaletdinov R.R. Neurobiology and the good: – is it possible to make a person moral? // Sociology of Power. 2020. Vol. 32. No. 2. P. 87–103 (in Russ.).
5. Berdyaev N.A. The origins and meaning of Russian Communism. M., 1990 (in Russ.).
6. Vyshinsky A. Ya. The main tasks of the science of Soviet socialist law // The main tasks of the science of Soviet socialist law. M., 1938. P. 6 (in Russ.).
7. Gadzhiev G.A. New constitutional values: concepts of sustainable economic growth from the point of view of legal capitalization // Journal of Russ. law. 2022. Vol. 6. No. 1. P. 19, 22, 26, 27 (in Russ.).
8. Kolosov I.V. History of legal consequentialism: the effectiveness of law. M., 2023. P. 8, 17, 19, 24, 25, 27, 30–34, 36–59, 66–69, 77, 81, 84, 110, 122, 123, 126, 147, 154, 159, 166, 168–170, 175, 179, 181, 186–190, 192, 202, 206 (in Russ.).
9. Kolosov I.V. N.G. Chernyshevsky's utilitarian view of the state and law // History of the state and law. 2018. No. 10. P. 12 (in Russ.).
10. Momotov V.V. Economic efficiency of law as a goal of legal regulation // Journal of Russ. law. 2022. Vol. 6. No. 1. P. 32 (in Russ.).
11. Nersesyants V.S. Philosophy of Law: textbook for universities. M., 2006. P. 30–47 (in Russ.).
12. Nietzsche F. To the genealogy of Morality // Nietzsche F. Complete collection of works: in 13 vols / transl. from German K.A. Svasyan. M., 2012. Vol. 5. P. 281, 287, 288 (in Russ.).

13. *Pozner R.* Utilitarianism, economics and theory of law // Jurisprudence. 2017. No. 3. P. 48, 49, 61, 64 (in Russ.).
14. *Sinitin S.A.* Economic analysis of law: opportunities and limitations, risks of absolutization of the approach // Journal of Russ. law. 2022. Vol. 6. No. 1. P. 49, 51, 52 (in Russ.).
15. *Chernyshevsky N.G.* Anthropological principle in philosophy // Chernyshevsky N.G. Full collection of works: in 15 vols. M., 1950. Vol. 7. P. 264 (in Russ.).
16. *Chernyshevsky N.G.* Economic activity and legislation // Chernyshevsky N.G. Full collection of works: in 15 vols. M., 1950. Vol. 5. P. 597 (in Russ.).
17. Effectiveness of legal norms / [Kudryavtsev V.N., Nikitinsky V.I., Samoshchenko I.S., Glazyrin V.V.]. M., 1980. P. 37 (in Russ.).
18. *Yarkova E.N.* Nationalism and utilitarianism in Russia // Discourse-Pi: scientific-practical almanac. 2003. No. 1 (3). P. 39 (in Russ.).
19. *Yarkova E.N.* Utilitarianism in Russia // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2019. Vol. XXII. No. 4. P. 15, 24, 27, 28 (in Russ.).
20. *Buchanan A., Powell R.* The Evolution of Moral Progress: A Biocultural Theory. Oxford, 2018.

Сведения об авторах**ЛАПАЕВА Валентина Викторовна** —

доктор юридических наук,
главный научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

СИГАЛОВ Константин Елизарович —
доктор юридических наук, профессор,
профессор Московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя;
117997 г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12;
профессор Юридического института
Российского университета дружбы народов;
117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6;
профессор Всероссийского института
повышения квалификации МВД России;
142007 Московская область, г. Домодедово,
мкрн. Авиационный, ул. Пихтовая, д. 3

Authors' information**LAPAEVA Valentina V.** —

Doctor of Law,
Chief Researcher, Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

SIGALOV Konstantin E. —

Doctor of Law, Professor,
Professor of Kikot' Moscow University,
Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
12 Akademik Volgin str., 117997 Moscow, Russia;
Professor of the Institute of Law,
Peoples' Friendship University of Russia;
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia;
Professor of the All-Russian Institute of Personnel
Development, Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation;
3 Pikhtovaya str., microdistrict Aviatsionny,
142007 Moscow Region, Domodedovo, Russia